

шильце-буравчик и стамески прямой и полукруглой формы. Якут. дерев. изделия – детали жилища, коновязи, изгороди, орудия труда и охоты (ножи, косы, копыя и др.), мебель и утварь (шкафы, столы-треножки, коробики, шкатулки, чаши – *кытыйа*, ложки-черпаки для размешивания и разливания кумыса – *чабычахи*, ритуальные сосуды для кумыса – *чороны* и др.) – украшались геометрич. орнаментом трехгранно-выемчатой, контурной и ножевидной резьбы. Пояски с вертик. бороздками, зигзагообразные полосы с заостр. и сжатыми с боков зубцами, ромбовидные ячейки и т.п. располагались в несколько рядов. Нек-рые чаши кытыйа снабжались подставками и ручками, иногда украшались металл. поясами с ромбовидными подвесками. Ложки-чабычахи имели длинные изогнутые рукояти, также украшенные геометрич. орнаментом. У якутов была развита дерев. скульптура: шаман, идолы, ритуальные фигурки птиц (двуглавой птицы окосоку, кукушки, ворона и др.), игрушки (деревянная корова, деревянный бык, олень, дерев. палочки – *хабылык* для подбрасывания на ладони и др.). Известны работы совр. якут. скульпторов Д.С. Егорова «Кэрэ с мячом» (1966), «Якутка с чороном» (1967), В.В. Бочкарева «Материнство (Ийэ-Кут)» (1991) и др.

У нивхов, ульчей, удэгейцев, др. народов Ниж. Амура и Сахалина дома, амбары и летники, ритуал. сооружения, лодки, колыбели, утварь (шкатулки, шкафчики, коробики, ящики на нары, кровельные доски, рукоятки инструментов, ложки, блюда, корытца, ковши) украшались спец. «амурским» орнаментом из завитков, спиралей, лент, переплетающихся «змей», «сеток», цепочек, «веревки» и т.п. Более редки были зооморфные мотивы. Орнаментация Д. считалась мужским иск-вом. Приемы украшения изделий из Д. были разнообразны: многогранно-выемчатая, плоскорельефная, ажурная резьба, накол, роспись красками. Резной орнамент также часто красили в красный и черный цвет. Нивхи и ульчи применяли выемчатую двух-, трех-, четырех-, шести-, девятигранную резьбу при украшении ложек, «медвежьих» (т.е. для *медвежьего праздника*) ковшей (дл. в метр и более), коробок, ящиков, амбаров и др. Четырехгранно-выемчатая резьба была известна также корякам, юкагирам, юж. гр. эвенков. Концы нек-рых богато украшенных спирально-

ленточным орнаментом ложек для медвежьих праздников иногда заканчивались «цепочками», вырезанными из того же куска дерева. Наряду с резным орнаментом рукояти «медвежьих» ковшей венчали объемные фигурки медведей.

В зимних домах ульчи и нивхи орнаментировали внутр. вертик. столбы, а также наружные части матицы, выступающие за пределы стены, на фасадах амбаров и летников над дверью прикрепляли доски с резьбой, вырезали орнамент на столбах, несущих матицу. Богато наряжались погребальные дома ульчей и нанайцев, у нивхов – «домики» на местах кремации умерших. Нанайцы орнаментировали свои ритуал. сооружения накладными досками, на к-рых росписью изображали разл. животных. Сохранился рисунок ульч. погребального домика сер. XIX в.: в концах бревен венцов, выступающих над передней стеной, выдолблены сквозные отверстия со свисающими фигурками животных и декор. ажурными подвесками. Украшались также шаман. столбы разл. конфигурации, стоявшие неподалеку от дома шамана. На их вершинах помещались скульптурные изображения птиц. Иногда они прикреплялись к сер. столба (у нанайцев и ульчей). Удэгейцы вырезали на столбах зооморфные изображения духов. Повсеместно были распростран. скульптурные изображения духов-охранителей, духов-помощников шамана, «вместилища» для злых духов, к-рые выбрасывали в тайге.

Лит.: Арбат Ю. Русская народная роспись по дереву. М., 1970; Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972; Уханова И.Н. Резьба и роспись народных мастеров северо-западного Поморья // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973; Королева Н.С. Резьба и роспись по дереву коми и коми-пермяков. Народное декоративное искусство. Традиции и поиск // Сб. тр. НИИХП, М., 1979; Вишневская В.М. Резьба и роспись по дереву мастеров Карелии, Петрозаводск, 1981; Вишневская В.М. Глубоковские росписи // Сб. тр. НИИХП. М., 1981; Грибова Л.С. Народное искусство коми. Сыктывкар, 1981; Яковлев В.Ф. Сэргэ (коновязь). Ч. I–II. Якутск, 1992–1993; Федорова М. Искусство ваияния: традиции и эксперимент // Полярная звезда, 1994. № 2.

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО РУССКОГО СЕВЕРА. Дерево, земля и глина были, по существу,

единств. строит. мат-лами на терр. Вост. Европы вплоть до кон. X в. Сельские поселения и города, существовавшие на Руси (согласно летописям, начиная с IX в.), крестьянские, посадские и княжеские дворы строились из дерева. В городах из дерева выполнялось все, начиная с оборонит. крепостной ограды и кончая мощением улиц. Лишь в сер. X в., в пору сложения Древнерусского гос-ва, созрели условия для монумент. каменно-кирпичного зодчества. Но дерево оставалось осн. мат-лом и тогда, когда появились постройки из природного камня и кирпича. В деревянной архитектуре были выработаны мн. строит. и композиц. приемы, отвечавшие природно-климатич. условиям и худ. вкусам народа. Постройки сельских поселений (жилые дома, амбары, бани, мельницы, мосты и др.), возводились только из дерева вплоть до кон. XIX в. (см. *Жилые и хозяйственные постройки Русского Севера*). В дошедших до нас каменных домах XVII в. жилые помещения были деревянными.

Наиб. устойчивыми нар. традиции в деревянной архитектуре были на Русском Севере. Этому способствовали ист. условия: незатронутость края монголо-татарским нашествием в XIII–XV вв., отсутствие здесь крепостничества в XVIII–XIX вв., удаленность от промышленно развитых районов. На Севере уцелели не только отд. памятники нар. архитектуры, но и целые селения в относительно хорошо сохранившейся природной среде. Нек-рые жилые дома имеют возраст св. 100 лет, а неотопляемые холодные храмы – более 300 лет. До нашего времени не сохранилась ни одна деревянная постройка, срубленная ранее XVI в. Облик древних деревянных сооружений, жилых, хоз. и культ. можно предположительно восстановить по ист. источникам: летописям, писцовым книгам, миниатюрам, иконам, описаниям и зарисовкам иноземных путешественников. Но наиб. полный и достоверный мат-л по деревянному зодчеству древнего периода дали археол. раскопки.

Все рус. летописи сообщают об опустошит. пожарах. В 1160 «погоре Ростов, и церкви вси, сборна дивная великая церкви Святая Богородица, якая же не было, никележе ни буде». Во Владимире в 1183 «погоре мало бы не весь город... и церкви числом 32». В 1369 «весь Псков погоре, и церкви священные...» Пожары ускоряли замену дерева камнем в таких ответств. сооружениях, как городские

стены, башни и храмы. Деревянные стены Новгородского детинца с земляным валом и рвом упоминаются в 1043, а первые сведения о каменной его ограде относятся к 1302. Первые данные о стенах Переяславля Южного датируются 1089, Старой Ладого – 1116, Москвы – 1367. Но такая замена происходила не везде. У мн. рус. городов дерев. стены отстраивались после пожаров по несколько раз вплоть до XVIII в. Крепостные стены Тобольского кремля с 1643 по 1680 горели 6 раз и 6 раз рубились вновь. Многовековой строит. опыт народа позволил макс. использовать свойства каждой породы дерева. Наиб. применение находили хвойные – сосна, лиственница, ель. Прямызна стволов, отсутствие дуплистости позволяли хорошо сплавлять бревна в стены, раскалывать их по слоям для получения пластин (бревна, расщепленные пополам) и теса. Смолистость обеспечивала хорошую сопротивляемость гниению. Особенно ценилась мелко-слоистая (до 16 слоев на 1 см) «кондовая» сосна, произрастающая на сухих песчаных почвах, и лиственница, из к-рой рубились наиб. ответств. ниж. венцы срубов. Из ели изготавливались элементы кровли – стропила. Из осины благодаря ее податливости при обработке делали кровельный лемех, прочносте к-рого под воздействием дождя и снега лишь возрастала, а кровля приобретала со временем серебристый оттенок.

Лес шел в дело прежде всего в виде бревен диам. 25–40 см, в отд. случаях – до 60–80 см (ниж. венцы Успенской церкви в Кондопоге и др.), ср. дл. бревен – 5–10 м (иногда 12–16 м). К сращиванию бревен по дл. рус. плотники прибегали редко, предпочитая стыковать срубы. Брусья, пластины и тес употреблялись лишь там, где их нельзя было заменить бревнами. Заготавливали древесину зимой; в весенние разливы и летом по малым и большим рекам плотами сплавляли до места назначения. Гл. орудием произ-ва рус. плотника был топор. Им выполнялись все операции, начиная с рубки деревьев и заканчивая вязкой срубов и изготовлением резных украшений. Характерно, что во всех ист. документах, где говорится о возведении дерев. строений, употребляется слово «рубить» вместо «построить»: «Святополк же повеле рубити город на Ветичеве холму»; Владимир, низвергнув Перуна, «повеле рубити церкви». Древосечный топор имел узкое и прямое лезвие, в отличие от плот-

ничьего, с более шир. и овальным лезвием. Ошкуривали бревна стругом или долгим скобелем. Тес изготовляли так: по длине бревна и в торцах делали топором зарубы, в к-рые вгоняли дерев. клинья. Из расколотых половин бревна вытесывали 2 (иногда 3) тесины-доски. Зачищали их спец. топором – потесом, имевшим широкое лезвие с односторонней заточкой. Для нанесения на бревно или тесину паралл. линий применяли черту, пазы выбирали теслом – топором с закругл. лезвием. Отверстия в бревнах выполняли с помощью долота или просеки. При изготовлении плотницких инструментов на железную основу наваривалось стальное лезвие с последующей термич. обработкой и закалкой. Инструменты на Руси в X–XIV вв. по качеству стальных лезвий и разнообразию форм не уступали западноевроп. Наиб. древние пилы найдены в Новгороде в слоях сер. X в., но применялись они преим. для внутр. столярных работ. В плотницком деле поперечные пилы почти не использовались, т.к. они разрушали волокна древесины, и тогда торцы бревен начинали «тянуть» воду. Топор же при перерубке лишь уплотнял их.

Осн. конструкт. формой в рус. дерев. зодчестве был прямоугольный сруб (четверик) из горизонтально уложенных и притесанных друг к другу бревен, каждый ряд к-рых составлял венец. Такие стены имели неоспоримое преимущество перед стенами из бревен, врытых вертикально: в последних после усыхания образовывались щели. Для сплачивания горизонт. венцов в бревнах выбирался продольный паз – первоначально в верхней, а затем в ниж. поверхности каждого бревна (для уменьшения возможности затекания воды). В углах срубов бревна соединялись с помощью врубок. Чаще всего применялась врубка с остатком (в обло) как более теплоустойчивая, реже – без остатка (в лапу, в шип). Для экономии бревен в неоттапливаемых частях построек (шатры храмов, основания мельниц) делалась врубка с просветом, в четверть дерева (в реж). Пазы при рубке жилых зданий прокладывались мхом (мшились), позднее вместо мха использовали паклю.

На один сруб хорошего жилого дома шло 150–170 бревен. Особенно трудоемким был их многократный подъем для притески и подгонки. Высокие постройки (двухэтажные жилые дома, «повалуши», крепостные башни, храмы) разбивались по выс. на

2–4 «чина» (по 8–10 бревен в каждом), к-рые притесывались внизу. Для сборки каждый чин метился плотницким счетом (1-я цифра – номер чина, 2-я – номер венца). На сруб бревна поднимали с помощью канатов, пропущенных через блоки. Эти приемы позволяли возводить постройки в короткие сроки, иногда за день («обыденные» церкви).

Дл. бревен имела пределы, поэтому стены зданий большей пл. вместо четверика рубились шестериком, восьмериком и изредка десятериком. Дальнейшее увеличение пл. достигалось прирубкой дополнит. срубов (прирубов). Постройки ставили на землю без фундаментов, в связи с чем ниж. венцы рубили из кондовой сосны или лиственницы. Иногда под углы срубов и середины стен клали камни-валуны или врывали в землю «стулья» из обрезков толстых бревен. Для определения размеров будущих сооружений была выработана система простых отношений, тесно связанная со ср. размерами человек. тела. Методы пропорционирования, выработанные в дерев. зодчестве, позднее перешли и в каменную архитектуру. Разметка плана будущей постройки производилась на земле мерным шнуром методом выкладывания («окладывания») ниж. венца сруба – «оклада».

Квадратная клеть, гл. элемент постройки, требовала проверки правильности прямых углов равенством диагоналей квадрата. Отношение стороны квадрата к его диагонали – это основа древнерус. пропорционирования. Диагональ, став стороной нов. квадрата, позволяла без вычислений получить удвоенную пл. Соотношение диагонали и стороны квадрата стало принципом сопряжения рус. мер: мерной маховой сажени – стороны квадрата (176,4 см) и великой косой сажени – его диагонали (249,5 см). И остальные применявшиеся в стр-ве меры дл. – малая пядь (19 см), нога (27 см), локоть (38 см), большой локоть (54 см), стопа шага (76 см), сажень-локоть (108 см), простая сажень (152,7 см) и косая (казенная) сажень (216 см) – относились друг к другу как сторона к диагонали квадрата. На этой же закономерности был основан и мерный плотничий наугольник.

Утилитарная функция. сторона архитектуры и худ. форма выступали как равные, в гармонич. единстве. Особенно тщательно взвешивались все обстоятельства при выборе места для будущего города или селения.

Учитывались как удобство сообщений, ориентация по солнцу, защита от господств. ветров, уровень паводковых вод, неприступность в случае осады, так и красота выбранного участка. Природная среда подсказывала очень многое: зрительные границы селения и направление его развития; планировочный и композиционный приемы; обозреваемость селения и его сооружений с осн. направлений при движении по суше или воде (см. *Северные русские селения*). При таком подходе каждый населенный пункт имел свой неповторимый облик.

Особых худ. высот нар. зодчие достигли при возведении храмовых ансамблей – многофункциональных обществ. центров (см. *Храмовая архитектура*). На выбор места для их стр-ва помимо композиц. принципов влияли и сугубо практические соображения: заботы о сбережении гл. построек селения от огня (погосты размещались поодаль или на незастроенной терр.). Большое значение имел также культ местных святых, берущий начало еще со времен язычества: мн. церкви и особенно часовни ставились «в рощеньях», на местах древних языческих капищ. В представлении человека ср. веков организованное им жилое пространство являлось своеобразной моделью мира. Храмы как символы небесного мира господствуют в освоенном пространстве, жилища составляют второй план, а хоз. постройки – вместилища нечистой силы – третий.

Мн. композиц. формы и ансамблевые приемы, использовавшиеся в дереве и проверенные жизнью, были воплощены и развиты в рус. каменной монумент. архитектуре. В свою очередь, и деревянное зодчество в процессе развития испытало большое влияние последней. Такое взаимодействие, происходившее в традициях единой нац. архит. школы, способствовало ее совершенствованию. Более стойкая к испытанию временем каменная архитектура сохранила множество самобытных приемов, зародившихся еще в нар. деревянном зодчестве.

Лит.: Забелло С.Я., Иванов В.Н., Максимова П.Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942; Ганецкая О.А. Строительная техника русских крестьян // Русские. Ист.-этногр. атлас. М., 1967; Орфинский В.П. Логика красоты. Петрозаводск, 1978; Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1980; Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера.

М., 1989; История русской архитектуры. Гл. 1 и 4. 2-е изд. СПб., 1994.

ДЁРЕН (*Chamaepericlymenum*), небольшой род цветковых растений сем. кизиловых, включающий 3 вида. Низкорослые полукустарники с компактными соцветиями, окруженными оберткой из 4–6 лепестковидных белых листочков, с одревесневающими подземными частями побегов, травянистых в своей надземной части. В приатлантической и приберингийских районах севера России в полосе гипоарктич. тундр и в сев. тайге обычен *Д.* шведский (*Ch. suecicum*).

ДЕРЖАВИН Гаврила Романович (1743–1816), поэт и гос. деятель. Родился в небогатой дворянской семье. Учился в Казанской гимназии (1759–1762). С 1762 солдат в гвардейском Преображенском полку, участвовавшем в дворцовом перевороте, в результате к-рого на престол взошла Екатерина II. Произведенный спустя 10 лет в офицеры, *Д.* был участником подавления Пугачевского восстания. В 1777–1783 служил в Сенате, где пришел к убеждению, что «нельзя там ему ужиться, где не любят правды».

С нач. 1770-х гг. выступал со стихотворениями в печати. Широкую известность и успех *Д.* принесла «Ода к Фелице», посвящ. Екатерине II. Императрица наградила поэта и назначила (1784) губернатором олонеким и тамбовским (1785–1788). Благодаря инициативе и усилиям *Д.* в Петрозаводске были открыты первая казенная гор. больница, аптека, приказ обществ. призрения, нар. уч-ще. Поборник идей «просвещенного абсолютизма», *Д.* решительно боролся со злоупотреблениями, взяточничеством и лихоимством чиновников, стремился навести строгий порядок в казенных учреждениях. Значителен вклад *Д.* в изучение Карелии: им собрана обширная коллекция этногр., статистич. и ист. мат-лов о крае, до сих пор не потерявшая науч. значения. Летом 1785 *Д.* предпринял путешествие по Олонецкой губ., участвовал в учреждении нов. уездного города – *Кемь*. Дневник поездки – «Поденные записки» (впервые опублик. в Петрозаводске в 1958) – ценное геогр. описание этого края. Позднее впечатления о пребывании в Карелии нашли отражение в одах «Водопад» и «Буря».

В 1791–1793 *Д.* – кабинет-секретарь Екатерины II, с 1794 – президент Коммерц-Коллегии, в 1802–1803 – министр юстиции. В отставке продолжал активно заниматься лит. де-

ят-стью. 9 т. соч. *Д.* были изданы в 1864–1883 в Петербурге (с объяснит. прим. Я.К. Грота).

Лит.: Эпштейн Е.М. Державин и Карелия. Петрозаводск, 1987; Ходасевич В.Ф. Державин. М., 1988.

ДЕРЮГИН Константин Михайлович (1878–1938), гидробиолог, зоолог, один из основоположников отечеств. океанографии, организатор науки. Окончил Петербургский ун-т (1900). В 1915 защитил докт. дисс. С 1918 проф. Петроградского, затем Ленинградского ун-та, в 1923–1930 возглавлял там кафедру зоологии позвоночных, в 1929 создал кафедру ихтиологии и гидробиологии, к-рой руководил до конца жизни. В 1903–1904 занимался устройством Мурманской биологич. ст. С.-Петербургского об-ва естествоиспытателей, в 1907 участвовал в постройке шхуны «Александр Ковалевский». Был одним из организаторов Гос. гидрологич. ин-та (1919, руководил в нем гидробиологич. и морским отделами, до 1937 также являлся зам. директора), Петергофского естеств.-науч. ин-та (1920, директор в 1924–1930, руководил лабораторией гидробиологии и зоологии позвоночных), Сев. науч.-промысл. эксп. (1920, будущий ААНИИ), Тихоокеанской науч.-промысл. ст. (1925, впоследствии Ин-т рыбного хоз-ва, ныне ТИНРО), Мурманской биологич. ст. в пос. Дальние Зеленцы (1936, позднее Мурманский морской биологич. ин-т). Вместе с учениками *Д.* осуществил обширную программу изучения сев. морей. В 1903–1904 и 1907–1908 исследовал Кольский зал. В 1921 провел большую работу в рамках междунар. рейса по Кольскому меридиану. В 1922 организовал океанографич. эксп. на Белое м. В 1923–1926 под руководством *Д.* осуществлялось гидробиологич. исследование прибрежных районов Новой Земли, океанографич. изучение дальневосточных морей. Всего *Д.* организовал более 50 комплексных эксп. В результате исследований были выяснены закономерности распределения жизни в сев. и дальневост. водоемах, связь их обитателей с абиотич. условиями существования, оценены природные ресурсы. *Д.* разработал вопросы биоплярного и амфибореального распротр. морских животных, выяснил осн. направление миграций тихоокеанской фауны в Сев. Атлантику и высказал предположение о возможности обмена северо-тихоокеанской и северо-атлантической фаун, выяснил границу между бореальной и арктич. фаунами в Баренце-